

Е.Б. Хромова

Пермский государственный технический университет

ОБ ИСТОРИКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКОМ ПОДХОДЕ В ИЗУЧЕНИИ ПРОБЛЕМ МЕНТАЛИТЕТА

Рассмотрен один из наиболее продуктивных подходов к исследованию феномена «менталитет» – историко-антропологический, который неотделим от французской исторической школы «Анналов». Именно в школе «Анналов» проблема сознания человека в истории была поставлена как проблема менталитета. Приведены основные этапы развития данного направления, а также даны различные определения термина «менталитет», встречающиеся у разных авторов данного направления.

В современном гуманитарном знании сложились различные подходы к исследованию феномена «менталитет». Антропологический (историко-антропологический) подход представляется наиболее продуктивным. Данный подход неотделим от французской исторической школы «Анналов». Именно французская «Новая историческая наука» сделала ментальность главным предметом своего анализа.

Историки французской школы «Анналов» одними из первых пришли к необходимости изучения импульсов поведения людей, их картины мира для правильного понимания хода исторических событий. Именно в антропологической школе «Анналов» проблема роли сознания человека в истории была поставлена как проблема менталитета. История с этих позиций стала рассматриваться в координатах антропологии: с точки зрения действующего в ней и оценивающего ее человека.

Внедрение в историческое исследование понятия «ментальность» связано с именами Люсьена Февра и Марка Блока, основателей журнала «Анналы».

Данное понятие, включая в себя сознательный и бессознательный элементы в поведении и деятельности человека, стягивало в единый комплекс междисциплинарные исследования, позволяя изучать человека в целостном измерении.

Проблему ментальности основатели «Анналов» разрабатывали в своих произведениях. Самые известные произведения Л. Февра «Проблема неверия в XVI веке: религия Рабле», «Бои за историю». В них автор разрабатывает проблему ментальности, размышляет о возможностях человеческого мировосприятия, обусловленных его культурой и эпохой, о «мыслительном (ментальном) инструментарии», который в определенную эпоху находится в распоряжении человека, унаследован от предшествующего времени и вместе

с тем неприметно изменяется в процессе исторической практики. Отметим, что в центре всего творчества Февра стоит понятие «ментальный инструментарий». Ментальный инструментарий какой-либо цивилизации или эпохи – это, по его мнению, совокупность категорий восприятия, концептуализации, выражения и действия, которые структурируют и индивидуальный, и коллективный опыт. Это явно эмпирическая, открытая дефиниция, но она гораздо шире того, что сегодня мы называли бы системой представлений, так как включает в себя язык, артефакты и даже технику¹.

Тема умонастроений пронизывает и все творчество Марка Блока. В качестве самого общего понятия он употребляет выражение «коллективное сознание» или «умонастроение» (*mentalité*). Эта тема является центральной в его книгах «Короли-чудотворцы», «Феодальное общество», «Апология истории, или Ремесло историка».

Итак, под влиянием М. Блока и Л. Февра общественные процессы начали изучаться в качестве единства объективного и субъективного, что вывело гуманитарные науки на новый уровень. Февр и Блок положили начало мощному историографическому направлению, именуемому сегодня историей ментальностей или исторической антропологией.

После М. Блока и Л. Февра общепризнанным лидером этого направления стал Фернан Бродель, возглавивший так называемые вторые «Анналы». С его именем связывают окончательное утверждение заложенного уже в трудах отцов – основателей нового типа исторической рефлексии. На этом этапе преобладающей в «Анналах» являлась экономическая версия. Интересы сторонников Ф. Броделя были сосредоточены на реконструкции, главным образом, «материальной жизни» прошлого, тесно связанной с повседневностью и существующей во времени большой длительности. Изучение того, что Блок назвал «способами чувствовать и мыслить», оказалось почти забытым. Но пробудившийся в 60–70-х годах интерес к коллективным представлениям, системам ценностей вновь возвратил школу «Анналов» к разработанной Блоком и Февром программе исторической психологии. Эта тенденция нашла свое наиболее полное развитие в третьем, следующем поколении «Анналов», называемом «Новой исторической наукой» (НИН).

Характерным для историков этого направления является очень широкое определение, которое они дают понятию *mentalité*. Например, у Р. Мандру *mentalité* – это то, что постигается и ощущается, это область разума и эмоций². У Ж. Дюби это система образов, представлений, которые в разных группах или стратах, составляющих общественную формацию, сочетаются по-разному, но всегда лежат в основе человеческих представлений о мире

¹ См.: Февр Л. Бои за историю. М., 1991.

² См.: Mandrou R. Histoire des mentalités // Encyclopedia Universales. 1968. Vol. 8. P. 436–438.

и о своем месте в этом мире и, следовательно, определяют поступки и поведение людей³. Ж. Ле Гофф предложил следующее определение этого термина: «Ментальность любого исторического индивида, сколь бы значимым он ни был, представляет собой то общее, что этот индивид разделяет с другими людьми своего времени»⁴. Отсутствие единства по поводу того, что же такое «ментальность», не пугало ученых, работающих в русле НИН. Ж. Ле Гофф даже усматривал в расплывчатости понятия его богатство и многозначность. Менталитет оставался продуктом «брожения» аморфно собранных элементов внутреннего мира человека, сознательного и бессознательного, логического и эмоционального, его чувств, убеждений, воли, верований, установок, моделей и стереотипов поведения, настроений, которые объединяли носителей этого менталитета в некоторую общность. Нечеткость и различность формулировок ментальности привели к тому, что каждый автор вкладывал в понятие свое содержание, обусловив в результате популярность термина. В рамках этого подхода появилось огромное количество работ самой разнообразной тематики. Труды французских историков по теории ментальностей обогатили как историческую мысль Франции, так и мировую историографию.

Робер Мандру, специалист по истории Франции XVI–XVII веков, дал широкую картину социально-психологической жизни этого периода. Он не изолировал историю эмоций и настроений от общей социальной истории. По мнению Мандру, эмоциональность – неотъемлемый аспект жизни общества. Невозможно говорить о социальных классах, не включая в это понятие определенные черты культуры, которыми обладали их члены, их самосознание и образ жизни. В частности, Мандру прослеживает сдвиги в ментальностях, происходившие на протяжении XVII столетия. Если в начале века идея вмешательства дьявола в повседневную жизнь была повсеместно распространена и служила обоснованием массовых гонений на ведьм, то к концу же века городские магистры и судьи всецело отказались от подобных представлений. Так на протяжении нескольких десятилетий ментальности пережили глубокую трансформацию⁵. Мандру последовательно рассматривает такие вопросы, как питание человека (недоедание было источником повседневных страхов и повышенной возбудимости), болезни, эпидемии, демографическую ситуацию. Он подчеркивает такие приметы тогдашней жизни, как господство устной информации, порождающей слухи и легенды, преобладание чувств и инстинктов над интеллектом. Мандру приводит важнейшие социально-

³ См.: Duby G. L Histoire des mentalités // L' Histoire et ses méthodes. Paris, 1961. P. 937–966.

⁴ Le Goff J. Les mentalités. Une Histoire ambiguë // Faire de l' histoire: Nouveaux problèmes. Paris, 1974. P. 76–94.

⁵ См.: Mandrou R. Magistrats et sorciers en France au XVII siècle: une analyse de psychologie historique. Paris, 1968.

психологические черты француза XVI–XVII веков: повышенная чувствительность, легкая возбудимость, живость реакций, склонность к панике, агрессивность. Они объясняются Мандру не только особым отношением человека к природе, перед которой он испытывает чувство бессилия, но и ростом социальных антагонизмов. «Всякая историческая психология, любая история ментальностей есть, несомненно, история социальная, – заключает Мандру. – Но, вместе с тем, она представляет собой и историю культуры»⁶.

Другой исследователь, *Альфонс Дюпрон*, склонен интерпретировать историю коллективной психологии преимущественно под углом зрения изучения смысла человеческих творений, побуждений их создателей, в том числе и подсознательных, обнаружения ценностей, мифов и архетипов, лежащих в основе литературных и изобразительных памятников. Для него важен язык «исторической семантики», на которой изъясняется коллективная душа. Для этого он использует «инвентаризацию» форм, образов, ценностей, понятий; далее, их анализ и, наконец, обнаружение связности, когерентности между элементами одного комплекса, одной ментальности, одной специфической общности. Поэтому все события, формы, произведения искусства, институты, вообще любой исторический факт, согласно Дюпрону, необходимо проецировать в сознание общности, которая является их творцом⁷.

Крупнейший французский медиевист *Жорж Дюби* центром своих изысканий сделал историю XI–XII веков. Взаимодействие истории материальной цивилизации и социальной структуры, с одной стороны, с историей коллективных представлений и культуры, с другой стороны, – в этом Ж. Дюби усматривал главную цель и задачу исторической науки. Воображаемое переплетается с действительным и участвует в функционировании социального строя – такова ведущая идея Ж. Дюби. Идеи, представления, иллюзии общества о самом себе не только отражают социальный мир, но и пересоздают его. Иначе говоря, сознание человека и его бессознательное формируют тот общественный порядок, в котором человек живет⁸.

Дюби выделяет изучение языка как важнейшего компонента духовного инструментария общества. История ментальностей не может развиваться без помощи лексикологов. Они могут дать ей фундаментальные данные – например, перечни слов, употреблявшихся в ту или иную эпоху. Задача историка ментальностей, по мнению Дюби, – «выявить вербальные констелляции, ото-

⁶ Mandrou R. Introduction à la France moderne, p.353. Цит. по: Февр Л. Бои за историю. М., 1991. С. 527.

⁷ См.: Dupront A. Problèmes et méthodes d'une histoire de la psychologie collective. P. 3–11. Или: Дюпрон А. Проблемы и методы истории коллективной психологии. М., 1996. С. 24–25.

⁸ См.: Duby G. L'histoire des mentalités // L'histoire et ses méthodes. Paris., 1961. P. 237–266. Или: Duby G. Histoire sociale et histoire des mentalités // Nouvelle critique. 1970. № 34. P. 11–19.

бражающие главные сочленения коллективного сознания»⁹. Необходимо рассмотреть как лексические изменения (потери, приобретения и трансформации в значении слов, выявление связи этих изменений с колебаниями в сфере ментальностей), так и синтаксис.

Эмманюэль Леруа-Лядюри считает «историческую демографию» одной из самых плодотворных дисциплин в новой школе. Если для Дюби и Мандру было важно изменение в ментальных установках, то для Леруа-Лядюри для понимания хода исторического процесса становится важен тот уровень ментальности, который наименее подвержен изменениям, «наиболее глубоко залегающий ментальный слой, связанный с биологическими свойствами человека»¹⁰.

Пьер Шоню назвал себя учеником Ф. Броделя. Он решительно подчеркивает подчиненную роль экономики, выделяя примат культурного над экономическим. Экономика, по его мнению, в основном зависит от социального, психического и культурного¹¹.

Жак Ле Гофф, один из самых блистательных исследователей ментальностей, предстает как историк социально-культурной направленности. Под исследованием ментальности Ж. Ле Гофф видит, прежде всего, изучение истории коллективной психологии и массовых представлений, позволяющих воссоздать видение мира людьми прошлого. К таким представлениям Ле Гофф относит, например, понимание человеком времени, труда. Для Ж. Ле Гоффа характерно понимание ментальности как исключительно медленно изменяющейся исторической реальности. Он относит ментальность к категории «большой длительности». «Несомненно, менталитет является стороной общества и цивилизации, которая меняется медленнее всего...»¹². В определении ментальных изменений Ж. Ле Гофф придает главное значение изменению в ценностных ориентациях. Такой подход представляется важным, так как выявляет гуманистический характер ментальных исследований. Благодаря изучению ментальности, современная цивилизация учится понимать «другого». Анализ коллективных представлений и поведенческих стереотипов (Ле Гофф называет этот анализ «культурологическим») выявляет «посредствующее звено» между социальным развитием, с одной стороны, и сознанием и поведением индивидов, с другой. История ментальностей, по мнению Ле Гоффа, не просто занимается тем, чему не нашлось места в других науках. «Она находится в точке пересечения присущих этим наукам исследователь-

⁹ Дюби Ж. История ментальностей // История ментальностей, историческая антропология: [зарубежные исследования в обзорах и рефератах]. М., 1996. С. 20–21.

¹⁰ Там же.

¹¹ См.: Chaunu P. Un nouveau champs pour l'histoire serielle: le quantitatif au troisième niveau... Р. 105–125.

¹² Ле Гофф Ж. Другое средневековье: время, труд и культура Запада. Екатеринбург, 2002. С. 63.

ских тенденций, в поле возможного диалога между ними, на перепутье между индивидуальным и коллективным, долговременным и сиюминутным, неосознанным и осознаваемым, структурированным и текучим, маргинальным и универсальным»¹³. Поэтому Ле Гофф называет ее историей на перекрестке, двусмысленной историей.

Под влиянием работ *Филиппа Арьеса* историография пережила своего рода «бум», связанный с повышенным вниманием к вопросу восприятия смерти и переживания ее в Средние века и в начале Нового времени. Скептики усматривали в этом не более, чем дань моде. Однако исследователи, изучавшие эту проблему, замечали, что интерес к изучению установок людей данного общества по отношению к смерти и потустороннему миру дал возможность глубже понять коренные установки в отношении к жизни. Ведь «отношение к смерти – своего рода эталон, индикатор характера цивилизации»¹⁴. Поэтому французские исследователи рассматривают проблему отношения к смерти и понимания потустороннего мира как составную часть более общей проблемы ментальностей, социально-психологических установок, способов восприятия мира.

В этот период важное значение в исследованиях приобрели история отношений между элитарной и фольклорной культурой, история культурной практики (например, чтения и письма). Под влиянием этнологии началось изучение символов и символических образов. На пересечении истории ментальностей и возросшего интереса к образу как к историческому свидетельству начала развиваться история воображаемого¹⁵. Еще более плодотворным, чем понятие воображаемого, оказалось для культурантропологии понятие «представления». НИИН начала изучать в комплексе два вида реальности: собственно реальность и представления, которые складывались об этой реальности у ее современников.

Повышенное внимание к истории коллективного «телесного начала» в сочетании с углублением интереса к материальной культуре привело к углубленному исследованию всего, что касается истории питания. Также началось изучение истории жестов и устной речи.

Таким образом, «ментальность» оказалась очень продуктивным понятием. А продуктивным его делает сама пластичность этого понятия. «Первое, что привлекает в истории ментальностей, это именно ее неопределен-

¹³ Ле Гофф Ж. Ментальности: двусмысленная история. М., 1996. С. 41.

¹⁴ Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. М., 1992. С. 6.

¹⁵ См. об этом: Шмит Ж.-К. Историк и изображения // Одиссей. Человек в истории. М., 2002. С. 9–29; Ле Гофф Ж. Средневековый мир воображаемого. М., 2001.

ность, ...некое историческое “не знаю что”»¹⁶. Но эта неопределенность и привлекательна тем, что является средством познания нового и неизведанного.

Известный российский исследователь истории ментальностей А.Я. Гуревич отмечал, что французские историки под словом «*mentalité*» чаще всего понимают весь тот комплекс представлений о мире, при посредстве которого человеческое сознание в каждую данную эпоху перерабатывает в упорядоченную картину мира хаотичный и разнородный поток восприятий и впечатлений; в таком случае французское слово по смыслу приближается к русскому «мировидению»¹⁷. Иначе говоря, в центре исследователя ментальностей оказывается образ мира (картина мира), который заложен культурой в сознание людей данного общества. Картина мира содержится, главным образом, в общих представлениях об окружающем мире. Она держится на убежденности, что мир именно таков, каким он предстает в этом обобщенном образе реальности. Подобная совокупность ментальных представлений пронизывает жизнь человека, независимо от его социального статуса и сознательных воззрений и обуславливает его поступки и поведение¹⁸.

При анализе картины мира, лежащей в основе действий людей той или иной социально-культурной общности, исследователь менталитета стремится понять внутреннюю позицию этих людей, реконструировать их представления. Смыслы человеческих деяний прошлого, которые мы стремимся постигнуть, специфичны для каждого отдельного общества и каждого периода истории. Следовательно, понять и принять их можно, лишь изучая в контексте той или иной культуры. Поэтому ментальность не может не становиться проблемой любого исторического исследования. Ибо любой исторический феномен надлежит рассматривать как бы погруженным в тот повсюду разлитый «эфир», который образует ментальность эпохи¹⁹.

Человек не может познать мир в отрыве от своих культурных корней; в свете их он воспринимает все, что его окружает – язык, религию, науку, т.е. то, что составляет определенную цивилизацию и культуру. Каждый образ мира, следовательно, антропоморфен. Культурно заданный образ мира влияет на любую человеческую деятельность, т.е. смысл и цели человеческой деятельности определяются духовной сферой, ментальным «климатом», в рамках которого реализуется деятельность. Ведь люди творят историю ведомые и руководимые определенными процессами сознания, факторами религии,

¹⁶ Le Goff G. Les mentalités. Une histoire ambiguë // Faire de l'histoire. Nouveaux problèmes. Paris, 1974. P. 76–94.

¹⁷ Гуревич А.Я. М. Блок и Апология истории. М., 1973. С. 214–215.

¹⁸ См.: Васильева К.К. Менталитет: онто-этнологическое измерение. М., 2002. С. 169.

¹⁹ См.: Гуревич А.Я. От истории ментальностей к историческому синтезу// Споры о главном... М., 1993. С. 20.

искусства, традиций, т.е. коллективной ментальностью своей эпохи и культуры. Но в той же мере и история создает человека, родившегося в данном месте, в данное время, в данной системе ценностей, ограничивающей поле его деятельности и его рамки мышления.

Таким образом, менталитет (ментальность) есть продукт взаимодействия и взаимозависимости коллективного сознания и человеческой практики, обусловленных историческим развитием общества.

Получено 12.11.2010